

О. А. Колмакова, Ч. Ван

*Бурятский государственный университет
Улан-Удэ*

**ПОВЕСТЬ Н. В. ГОГОЛЯ «ВИЙ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
КОНЦА XX ВЕКА: МОТИВ БЕСОВСКОГО ВТОРЖЕНИЯ
В ПЬЕСЕ Н. Н. САДУР «ПАННОЧКА» И РАССКАЗЕ
М. Ю. ЕЛИЗАРОВА «ГОСПИТАЛЬ»**

В современной русской литературе рецепция классики XIX–XX веков осуществляется в двух направлениях: с позиций иронично-игровой интертекстуальной поэтики постмодернизма и в аспекте проблемы «традиция – новаторство». С данных позиций могут быть рассмотрены пьеса Н. Садур «Панночка» и рассказ М. Елизарова «Госпиталь», в которых авторы используют в качестве сюжетобразующих мотивы гоголевской повести «Вий». Изучение мотива бесовского вторжения в текстах Садур и Елизарова позволяет говорить не только о своеобразии идиостиля каждого писателя, но и о ведущих тенденциях литературного процесса 1990-х годов.

В пьесе Н. Садур заглавный гоголевский персонаж отсутствует. Бесовскую стихию воплощает образ Панночки, что подчеркивает авторскую концепцию человека как вместилища inferнального и божественного одновременно. Отказ от образа Вия закономерно приводит к смещению акцентов в гоголевском сюжете у Садур. Для Гоголя важно было изобразить бессилие человека перед мистически-гаинственными силами зла, Садур же, напротив, делает Хому Брута Личностью, способной противостоять inferнальному миру и победить его морально. В рассказе М. Елизарова «Вий» – центральный персонаж. Он персонажируется в образе солдата-садиста Прищепина, появление которого в военном госпитале оборачивается «малым» апокалипсисом. «Вий» Прищепин превращает госпиталь, «топос» христианского спасения и милосердия, в ад.

Помимо традиционной символики мотива бесовского как предельно безобразного современные русские авторы реализуют амбивалентное содержание этого мотива, также характеризующее поэтику Н. В. Гоголя. Амбивалентность образа Панночки у Н. Садур создается посредством мотива метаморфозы: Панночка сначала превращается в старуху-ведьму, вызывающую отвращение, а потом – в ребенка, который просит, чтобы его пожалели. Так же амбивалентен и образ елизаровского Прищепина. Несмотря на отрицательное отношение к садисту Прищепину, герой-рассказчик, словно помимо своей воли, восхищен его умением разоблачать фальшь.

Колмакова Оксана Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета (ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, 670000, Россия, post-oxugen@mail.ru)

Ван Чжуаньчу – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета (ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, 670000, Россия, msdevine@126.com)

Если традиционная, трагически-абсурдная семантика бесовского воплощает у Н. Садур и М. Елизарова глобальный социокультурный кризис рубежа XX–XXI веков, то амбивалентное содержание мотива бесовского декларирует принадлежность художественных систем названных писателей к эстетике постмодернизма с присущими ему релятивистскими установками.

Ключевые слова: современная русская литература, рецепция творчества Н. В. Гоголя, мотив бесовского вторжения, Н. Садур, «Панночка», М. Елизаров, «Госпиталь».

Творчество Н. В. Гоголя в русской литературе конца XX века подверглось активной рецепции. Так, мотив «тайной и нежной любви» к письму / букве из «Шинели» воспроизводится в рассказе «Урок каллиграфии» М. Шишкина, в романах «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» О. Славниковой и «Кысь» Т. Толстой. К мотиву приоритета части человеческого тела над «целым» из повести «Нос» обращаются М. Елизаров («Ван Гог») и Ю. Мамлеев («Хозяин своего горла»). К повести «Вий» современные авторы также проявили интерес. К примеру, Ю. Мамлеев в рассказе «Бегун» изображает «кавалеристскую поездку» героя верхом на «бабе», реализуя сквозную для своего творчества идею абсурда человеческого существования. В пьесе Н. Садур «Панночка» и рассказе М. Елизарова «Госпиталь» авторы используют в качестве сюжетобразующего гоголевский мотив бесовского вторжения. Изучение данного мотива в текстах Садур и Елизарова позволяет, по нашему мнению, говорить не только о своеобразии идиостиля каждого писателя, но и о ведущих тенденциях литературного процесса 1990-х годов.

В пьесе Н. Садур, созданной, как сказано в подзаголовке, «по мотивам» повести Н. В. Гоголя «Вий», заглавный гоголевский персонаж отсутствует. Бесовскую стихию воплощает образ Панночки, что подчеркивает авторскую концепцию человека как вместилища inferнального и божественного одновременно. Отказ от образа Вия закономерно приводит к смещению акцентов в гоголевском сюжете у Садур. Для Гоголя важно было изобразить бессилие человека перед мистическими силами зла, Садур же, напротив, делает Хому Брута личностью, способной противостоять inferнальному миру и даже победить его морально, «смертию смерть поправ».

В рассказе М. Елизарова, напротив, «Вий» – центральный персонаж. Он персонафицируется в образе солдата-садиста Прищепина, появление которого в военном госпитале оборачивается «малым» апокалипсисом. В «Госпитале» автор поднимает тему «дедовщины» в российской армии, изображая натуралистические сцены издевательств «старослужащих» над «духами». Герой-рассказчик оказывается в военном госпитале, где должна решиться его дальнейшая судьба: либо его отправят служить в армейский «ад», либо комиссуют. Однако госпиталь, вопреки ожиданиям героя, и оказывается тем самым адом. «Вий» Прищепин превращает «топос» христианского спасения и милосердия в ад.

Нужно отметить, что у современных авторов изображение человека как носителя бесовского начала вполне отвечает гоголевской стилистике, в которой, по наблюдениям Ю. Манна, «описания чертовщины <...> построены на открытой или полуприкрытой аналогичности бесовского и человеческого» [1988, с. 21]. Рецепция гоголевского мотива у современных авторов осуществляется в двух направлениях: во-первых, в системе приемов интертекстуальной поэтики постмодернизма, а во-вторых, в русле проблемы «традиция – новаторство».

В пьесе Н. Садур постмодернистская иронично-игровая поэтика реализуется в воспроизведении целого комплекса мотивов гоголевской прозы. Так, в пьесе обнаруживаются мотивы «Вечера накануне Ивана Купалы», «Страшной мести»,

«Мертвых душ». В «Панночке» автор-демиург, «веселящийся и играющий дух самого художника» (Б. М. Эйхенбаум) ощутимо «присутствует» в ремарках («Хвеська, нестарая еще бабенка»), в репликах персонажей (Философ: «Ты кто есть, человек ли? Или кто хуже?»), в диалогах:

Д о р о ш. Молчи, баба, ты плохо говоришь. Пусть Спирид расскажет. Расскажи, Спирид.

С п и р и д. Я расскажу про псаря Микиту <...> Ты, пан Философ, не знал Микиты: эх, какой редкий был человек. Собаку каждую он, бывало, так знает, как родного отца. Теперешний псарь Дорош, что сидит напротив тебя, и в подметки ему не годится. Хотя он тоже разумеет свое дело, но он против него – дрянь, помои.

Д о р о ш. Ты хорошо рассказываешь! Хорошо! [Садур, 1999, с. 231–232].

Сам мотив бесовского вторжения у Садур иронически снижается посредством введения приема сказового монолога, в котором «испорченное слово» (М. О. Чулакова) опровергает трагическое содержание.

У Елизарова бесовское не подвергается ироническому осмыслению, однако антонимичный бесовскому мотив божественного реализуется в комически-игровом ключе. Герой-рассказчик то и дело обращается к христианскому дискурсу, однако использует его исключительно иронически. Ср.: «Благослови Господь город Чернигов и его музыкальную фабрику. У язвенников имелась наследственная гитара»; «...открыл “Учебник сержанта” наудачу, как псалтырь»; «впятером собрались мы на эту вечерю». А трагический мотив богооставленности человека озвучен «истощным криком» «небесного матросика-херувима: “Полундра!”» (Елизаров)¹.

Современные авторы не только ведут постмодернистскую игру с мотивом бесовского вторжения (через «диалог» с Гоголем), но и обращаются к традиционной, деструктивно-танатологической семантике мотива. Так, Панночка изображается у Н. Садур как некий «портал» в inferнальное пространство. Ср. размышления Хомя Брута накануне его последнего ночного бдения: «...где-то в наш божий мир пробило черную дыру, из которой хлещет сюда мрак гнойный и мерзость смердящая <...> чтоб... свет мира не омрачился бы от той дыры <...> я и пойду... и не побоюсь... раз так назначено» [Садур, 1999, с. 266]. Можно заключить, что Панночка у Садур воплощает юнгианский женский архетип «бездны, мира мертвых, все поглощающего <...> и отравляющего, того, что вселяет ужас и <...> неизбежно, как судьба» [Юнг, 1996, с. 31]. Сам мотив смерти, являющийся апогеем безобразного (в традиционном понимании этой эстетической категории), четко коррелирует с мотивом бесовского. В Священном писании сказано: «...завистью дьявола смерть вошла в мир» (Прем 2: 24). Поэтому у Садур, как и у Гоголя, бесовское вторжение в реальность приводит героя к гибели.

В образе солдата Прищепина у М. Елизарова также актуализировано танатологическое содержание, выражающееся прежде всего в деталях портрета. «А после обеда появился этот танкист Прищепин <...> Когда он снял тельник, худоба его обернулась какой-то тараканьей мускулатурой, мелкой, но очень живой и рельефной. Тощий и некрасивый живот Прищепина, казалось, был выложен из мелких булыжников и напоминал фрагмент мостовой <...> Танкист все осматривался, зверино принюхивался, что-то бормотал, и угольные глаза его медленно накалялись недоумением и яростью <...> странная мускулистая худоба Прищепина повергала меня в ужас. В ней чудилась какая-то мертвечина, сырая освежеванность трупа <...> Прищепин запнулся, яростно полыхнул глазами, захрипел рваной

¹ Здесь и далее рассказ М. Елизарова «Госпиталь» цитируется по: http://www.e-reading.club/chapter.php/111274/1/Elizarov_-_Gospital%27.html

слуной и медленно повернулся, как ржавый флюгер» (Елизаров). В этом мифологизированном портрете акцентируется символика звериного и неживого, демонстрирующая принадлежность Прищепина к миру мертвых.

Интересно отметить, что рецепция Елизаровым гоголевского Вия словно бы опосредована восприятием этого персонажа Д. С. Мережковским, описанным в работе «Гоголь. Творчество, жизнь и религия»: «Железное лицо, земляное тело Вия – против бесплотных лиц, неземного тела святых, бездушная плотность – против бесплотной духовности. За умерщвленную плоть мстит мертвая плотность. Вий – это самое противоположное духу, движению, сознанию; это – тяжесть, косность, мертвость первозданного вещества, материи; это в человеке инстинкт, прикрепляющий его не только к земному и телесному, но и к подземному, дотелесному – к материи – инстинкт слепой и ясновидящий» [2014, с. 234].

Очевидно, что обращение к традиционному инфернально-танатологическому содержанию мотива бесовского вторжения связано у современных писателей с ощущением глубокого многоуровневого кризиса рубежа XX–XXI веков. Период кризиса характеризуется состоянием отчужденности, неопределенности, чувством духовной и эмоциональной катастрофы. Русские писатели конца XX века стремятся запечатлеть кризисную эпоху через адекватную ей поэтику, одним из элементов которой стал мотив бесовского вторжения.

Примечательно, что обращаясь к мотиву бесовского вторжения опосредованно, через гоголевское восприятие, современные авторы реализуют и специфическое гоголевское содержание этого мотива – его амбивалентность. В повести Гоголя Хома Брут, несясь странной ночью с ведьмой на спине, испытывал «бесовски-сладкое чувство», «чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение» [Гоголь, 1984, с. 315]. Амбивалентность образа Панночки у Н. Сакур создается посредством мотива метаморфозы: Панночка сначала превращается в старуху-ведьму, вызывающую отвращение, а потом – в ребенка, который просит, чтобы его пожалели (ср. ее реплику, оформленную «детским дискурсом»: «...мне пальчик больно...») [Сакур, 1999, с. 268].

Так же амбивалентен и образ елизаровского Прищепина. Несмотря на отрицательное отношение к садисту Прищепину, герой-рассказчик, словно помимо своей воли, восхищен его умением разоблачать фальшь – будь то очередное представление, затеянное якобы наркоманами Прасковьиным и Яковлевым или спетая рассказчиком песня Высоцкого, явно диссонировавшая с образом исполнителя – мальчика, владевшего кларнетом.

Итак, обращаясь к гоголевской традиции в реализации мотива бесовского вторжения, Н. Сакур и М. Елизаров наполняют этот мотив как традиционно-негативным, так и специфически гоголевским, амбивалентным содержанием. Традиционная, трагически-абсурдная семантика мотива бесовского воплощает у современных авторов глобальный социокультурный кризис рубежа XX–XXI веков. При этом для Сакур и Елизарова актуальным становится также амбивалентное содержание мотива бесовского, декларирующее принадлежность художественных систем рассматриваемых писателей к эстетике постмодернизма с его релятивистскими установками.

Список литературы

- Гоголь Н. В.* Избр. соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 575 с.
Елизаров М. Госпиталь: Рассказ. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/111274/1/Elizarov_-_Gospital%27.html (дата обращения 30.04.2017).
Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. М.: Худож. лит., 1988. 413 с.

Мережковский Д. С. Не мир, но меч. М.: Директ-Медия, 2014. 471 с.

Садур Н. Обморок: книга пьес. Вологда: ООО ПФ «Полиграфист», 1999. 500 с.

Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М.; Киев: Лабиринт, 1997. 232 с.

О. А. Kolmakova¹, Ch. Van²

Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation,

¹post-oxygen@mail.ru, ²msdevine@126.com

**LONG STORY «VIY» BY N. V. GOGOL IN THE RUSSIAN LITERATURE
OF 20TH CENTURY: MOTIVE OF DEVIL'S INTRUSION IN THE PLAY
«PANNOCHKA» BY N. N. SADUR AND IN THE STORY «HOSPITAL»
BY M. YU. ELIZAROV**

Classical literature of the 19th and the 20th centuries is perceived in two ways in contemporary Russian literature. First, it is seen in the aspect of ironic game intertextual postmodern poetics. Second, it is understood as a part of the «tradition-novelty» issue. Based upon these principles, N. Sadur's play «Pannochka» and M. Elizarov's short story «Hospital» make use of Gogol's motifs from the long story «Viy» to build their plots. Analyzing the motif of devil's intrusion in the texts of Sadur and Elizarov gives us grounds to state that each author has his/her own idiosyncratic literary style as well as helps to define the key tendencies of the literary process in the 1990-s.

In N. Sadur's play, the main Gogol's character is absent. The demonic element is embodied here by the image of Pannochka, who emphasizes the author's concept of a person as of a container of infernal and divine at the same time. N. Sadur, not using the image of Viy in the play, naturally changes the emphasis of Gogol's plot. It was important for Gogol to portray the person's impotence in front of the mystically enigmatic forces of evil, but Sadur, on the other hand, makes Homa Brut the Person who is capable of resisting the infernal world and defeating it spiritually. In the short story of M. Elizarov, «Viy», on the contrary, is the central character. He is personified by the image of the sadistic soldier Prishchepin, whose appearance in a military hospital turns into a «small» apocalypse. «Viy» Prishchepin turns the hospital, the «topos» of Christian salvation and mercy, into hell.

Apart from the traditional symbolism of the demonic motive as extremely ugly, contemporary Russian authors also realize the ambivalent content of this motif, which is inherent in N. Gogol's poetics. The ambivalence of Pannochka image in N. Sadur's play is created by the motif of metamorphosis: first, Pannochka turns into an old disgusting witch, and then she turns into a child who wants to be pitied. The image of Elizarov's Prishchepin is also ambivalent. Despite a negative attitude towards the sadistic soldier, the narrator, as if against his will, is delighted by Prishchepin's ability to expose falsity.

While the traditional, tragically absurd semantics of the demonic element in N. Sadur's and M. Elizarov's works express the global sociocultural crisis at the turn of the 21st century, the ambivalent content of the demonic motif means that the writers belong to the postmodernist literary aesthetics with its relativity of values.

Keywords: modern Russian literature, reception of N. V. Gogol's works, motive of devil's intrusion, N. Sadur, «Pannochka», M. Elizarov, «Hospital».

References

Gogol' N. V. *Izbr. soch.: v 2-h t. T. 1.* [Collected Works. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Hudozhesvennaya literatura, 1984, 575 p.

Elizarov M. *Gospital': novella* [Hospital: the story]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/111274/1/Elizarov_-_Gospital%27.html (accessed April, 30, 2017).

Mann Yu. V. *Poetika Gogolya* [The Poetics of Gogol]. Moscow, Hudozhesvennaya literatura, 1988, 413 p.

Колмакова О. А., Ван Ч. Повесть Н. В. Гоголя «Вий» в русской литературе

Merezhkovskiy D. S. *Ne mir, no mech* [Not peace, but a sword]. Moscow, Direct-Media, 2014, 471 p.

Sadur N. *Obmorok: kniga p'es* [Fainting: a book of plays]. Vologda, Polygraphist, 1999, 500 p.

Yung K. G. *Dusha i mif. Shest' arhetipov* [The Soul and the Myth. Six archetypes]. Moscow, Kiev, Labyrinth, 1997, 232 p.

Kolmakova Oksana A. – Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor, Department of the Russian and Foreign Literature, Buryat State University (24a Smolin St., Ulan-Ude, 670000, Russia, post-oxygen@mail.ru)

Van Chzhuanchu – graduate student, Department of the Russian and Foreign Literature, Buryat State University (24a Smolin St., Ulan-Ude, 670000, Russia, msdevine@126.com)